

ГЛАВА 1

Мне снилась Мерили, когда зазвонил телефон. Сон я не запомнил, но лицо горело, и было трудно дышать. Лулу опять устроилась спать у меня на голове — она завела себе такую привычку, когда домовладелец убавил отопление. Я спихнул ее и попытался сфокусировать взгляд на часах возле кровати. Это далось мне с трудом. Я пил бойлермейкеры² в «Даблин-Хаус» до половины третьего, а с тех пор прошло... ровно девять минут.

Я снял трубку. Голос на том конце был хрипловатый, с бруклинским выговором. Неужели Единственный?

— Ты круто пишешь, приятель. Очень круто.

Я прокашлялся.

— Вы что, прочли мою книгу?

² Бойлермейкер — коктейль из любого крепкого алкоголя и пива. Особенность этого коктейля в том, что стакан с пивом и стопку алкоголя подают отдельно, а затем стопка опускается в стакан.

— Мои ребята читали. Она произвела на них впечатление. Говорят, динамичная и, как там это, актуальная.

— «Ньюсуик» тоже так считает. Это фраза из их рецензии на задней стороне обложки.

— Нам надо поговорить, приятель.

— Охотно. Вот когда прочтете, тогда и поговорим. И больше никогда не звоните мне посреди ночи. Это невежливо.

— Слушай, ты вообще соображаешь, с кем разговариваешь? Я — Санни Дэй! Ты кем себя возомнил — мной?

Я повесил трубку и нырнул обратно под одеяло и Лулу. У меня не так-то много в жизни осталось — только Лулу и моя гордость. Уснул я мгновенно.

В следующий раз я проснулся оттого, что в дверь громко и настойчиво колотили. Сначала показалось, что это стук в висках, но звук шел от двери. Лулу залаяла. Я попытался ее заткнуть — для практически безногого существа лай у нее просто оглушительный, — но она спрыгнула с кровати и вразвалку направилась к двери, не переставая лаять. Я снова всмотрелся в часы. Еще и девяти утра не было.

— Кто там?

— Санни Дэй! — послышалось из-за двери.

Я откопал в куче одежды на стуле шелковый халат.

— Как вам удалось проникнуть в здание?

— Вик умеет обращаться с замками!

— Кто такой Вик?

— Давай, Стюарт, открывай уже!

Я открыл, и за дверью действительно оказался Санни Дэй. Очень странное ощущение — увидеть живую человека, знакомого еще с детсадовского возраста. Он выглядел в точности как на экране, только как бы усиленный — еще меньше ростом, еще толще, морщины на лбу глубже, черные брови гуще, нос больше. Санни уже перевалило за шестьдесят, но волосы он по-прежнему зачесывал назад и красил в черный цвет. Похоже, волосы на груди он тоже красил, в чем можно было убедиться воочию благодаря распахнутой шубе и расстегнутой до пупа красной шелковой рубашке. Загорелый и бодрый, он явно недавно побрился и пах одеколоном и тальком. Он протянул ухоженную руку. Я ее пожал. Рукопожатие оказалось чертовски крепкое, не то что у меня.

За его спиной возвышался блондин лет сорока в коротком приталенном пальто, с пробивающейся лысиной и длинным шрамом на подбородке.

Ростом, наверное, метра два и весом за сотню килограммов.

— Это Вик Эрли, — сказал Санни.

Вик сухо кивнул.

— Вы вообще спите когда-нибудь? — поинтересовался я, стоя в дверях и дрожа от холода.

— Может,пустишь? — спросил Санни.

Я впустил их в квартиру, и в моей крошечной гостиной сразу стало очень тесно. Лулу залилась яростным лаем и тут же спряталась под письменный стол.

— Ну ты молодец, Лулу, — сказал я ей.

Санни окинул взглядом скудную меблировку, ворохи газет, пыль, пивные бутылки, раковину со стопкой грязных тарелок и капающим краном, видневшуюся в проеме двери.

— Что здесь у нас, сцена «бедность не порок»? Вик засмеялся.

Я пошел в кухню, разболтал в стакане с холодной водой две ложки растворимого кофе с горкой и влил в себя вместе с тремя таблетками обезболивающего. Потом я бодро улыбнулся.

— Начинайте день с плотного завтрака.

Санни оскалился в ответ, откопал в кармане карбончик мятных драже «Сен-сен» и сунул два в рот.

— Одевайся, — скомандовал он. — Вылетаем через час.

— Куда вылетаем?

— В Лос-Анджелес. У меня в поместье отдельный гостевой домик, живи там сколько хочешь.

— Погодите-ка...

— И в темпе, а то...

— Стоп! О чем вообще разговор?

— Я тебя выбрал, — сказал он. — Ты подходишь.

Я плюхнулся на тахту и потерял глаза.

— Сказал своим ребятам, они все сделают. Какие условия ты хочешь — такие и получишь. Дело сделано.

— По-моему, вы не поняли, — медленно произнес я. — Ничего не сделано. Я возьмусь за вашу книгу, если решу, что мне это интересно, а я пока не решил.

— Ну что я тебе говорил, Вик? — заулыбался Санни. — Ты парень дерзкий. И талантливый. И круто пишешь.

— Да неужели.

— Ужели. После того, как мы вчера поговорили, я взялся за твою книжку. Извини. Не привык работать с нью-йоркскими умниками. Вечно забываю, что вы, ребята, такие... как это сказать?

Чувствительные. Ну, в общем, я всю ночь читал. Даже спать не хотелось, так меня захватило. Я с тобой не согласен, конечно, — ну то есть с выводами в конце. Но это ничего. Главное, что история интересная, и у тебя есть стиль, а не просто умные слова.

Даже и добавить нечего.

— Не пробовал продать права на экранизацию? Роль отца классная. Я б ее круто сыграл.

— «Орион» предлагал ее Полу Ньюмену.

— Ну, он тоже кое-что умеет, — весело отозвался Санны.

Вик засмеялся. Ему явно платили в том числе и за это.

— Надо нам с тобой как-нибудь поболтать о литературе, приятель. Я же бросил пить, времени теперь полно. Ты бегать любишь? Мы с Виком каждое утро пять миль пробегаем. Сегодня утром уже пробежались по Центральному парку. Вик когда-то играл в нападении за «Брюинс»³.

Вик бесстрастно смотрел на меня сверху вниз, но я не трусил, твердо зная, что в честной драке

³ UCLA Bruins — команда по американскому футболу университета Калифорнии в Лос-Анджелесе.

продержусь против него не меньше двух десятых секунды.

Я повернулся к Санни.

— Мы можем поговорить наедине?

Он подергал золотую цепочку, затерявшуюся в зарослях на груди.

— Вик, подожди в лимузине.

Вик вышел. Лулу опять лихорадочно залаяла, не покидая своего убежища под столом.

Санни расчистил место на диванчике и уселся.

— Тебя как лучше называть? Стю?

— Хоги.

— Как Кармайкл?⁴

— Как сэндвич⁵.

Он подозрительно прищурился.

— Шутишь?

— Нет.

— Тогда ладно. Никогда не шути с шутниками. Знаешь почему?

— Нет.

⁴ Хоги Кармайкл — американский композитор-песенник, автор нескольких популярных джазовых стандартов.

⁵ Сэндвич в длинной булочке, который чаще всего называют «субмарина» или «саб», в Филадельфии известен как «хоги».

— Мы легкоранимые. В душе. Что тебя тревожит, Хоги? Что не так с моим предложением?

— Все так. Просто это как-то внезапно. Мне надо решить, действительно ли я хочу за это браться.

— А чем ты сейчас занят?

— В профессиональном смысле почти ничем. Но придется на несколько месяцев уехать из города, и...

— У тебя тут девушка?

— Сейчас нет.

— Ты, говорят, был женат на Мерили Нэш.

— Да.

Он покачал головой.

— Это тяжело, я знаю. У меня за спиной два распавшихся брака. В глубине души всегда считаешь, что сам виноват.

— Я сам виноват.

— Не будь так строг к себе, парень. Мне врачи в Бетти-Фордовском центре⁶ сказали очень важную вещь, я ее накрепко запомнил: вину признай, а стыдом себя не терзай.

⁶ Центр им. Бетти Форд — клиника в Калифорнии, занимающаяся лечением от алкоголизма и других зависимостей.

— Вам, небось, и футболки с таким слоганом выдавали?

— А ты мрачный.

— А вы наблюдательный.

— Ты слишком молод, чтобы быть таким мрачным. Придется тобой заняться. Я, знаешь ли, и сам одно время был такой вот кислый, но теперь у меня гораздо более позитивное отношение к жизни.

— Насчет вашей книги...

— Ну?

— Почему вы решили ее написать?

— Хочется облегчить душу.

— Расскажите правду?

— А как же иначе-то, приятель. Готов выложить все как на духу. Правда прежде всего, если тебя именно это беспокоит. Я весь твой на столько, на сколько понадобится. — Он вскочил на ноги, зашел в кухню, потыкал пальцем посуду в раковине и вернулся обратно. — Это часть процесса моего исцеления, понимаешь? Для меня это очень важно. Нет, я тебе голову морочить не буду — мою карьеру не мешало бы встряхнуть. Мне нужна известность. И бабки. Но это все вторично, главное — правдивый рассказ.

— Моя агентесса сказала, что вы никак не можете найти подходящего писателя. Почему?

— Потому что все эти голливудские ребята, которые пишут про шоу-бизнес, — лживые ублюдки. Их интересуют только всякие гадости, негатив. Печатают вранье, а все, кто читает этот мусор, принимают его за чистую монету. И еще надеются, что я буду с ними сотрудничать. Они просто продажные твари, которые прикрываются конституционным правом на свободу слова. Ты-то настоящий писатель. Ты пытаешься докопаться, чем человек дышит. Вот это мне и нужно.

— А другие источники использовать планируете?

— Это какие?

— Я смогу поговорить с вашим бывшим партнером?

Стоило мне упомянуть Гейба Найта, как Санни напрягся. Секунду он помолчал, потом выпятил нижнюю губу, словно ребенок, — его фирменное выражение лица — и сказал:

— К Гейбу не суйся. Это единственное незыблемое правило. Услышу, что ты хоть раз с ним разговаривал, — сразу уволю.

— Почему?

— Потому что не хочу, чтобы он имел к этому отношению, — отрезал он, багровея.

— Но вы расскажете, почему вы разошлись?

— Расскажу. А со всеми остальными можешь разговаривать. Спрашивай у них что хочешь. Конни, моя первая жена, — мы с ней дружим последнее время. Вик — он был рядом со мной в самые трудные годы. Мой юрист. Ванда. Можешь поговорить с Трейси, если найдешь ее. Последнее, что я о ней слышал, — она в Тунисе, живет с каким-то принцем.

— Закончила карьеру в шоу-бизнесе?

— Сиськи обвисли, так что закончила.

Санни сделал паузу, ожидая, что я засмеюсь. Он не сомневался, что я засмеюсь, — тридцать лет успешной карьеры комика выработали у него такую привычку. Но меня всегда трудно было рассмешить. Это, видимо, немного огорошило Санни, и он переключился на серьезный тон.

— Эта баба меня едва не добила. Я ее любил, все для нее делал. Такая красивая, такая лапочка, всю душу ей отдал. А она в один прекрасный день собрала вещички и свалила без предупреждения. Сказала, хочет найти себя. — Он тяжело вздохнул — ему явно было больно об этом вспоминать, — но тут же заговорщицки подмигнул в стиле «между нами, мальчиками». — Да чего там искать-то? — Он огляделся. — Господи, ну

и убожество. Прямо как в родном районе. Штукатурка сыплется, отопления нет. — Он кивнул в сторону кухни. — Тараканы?

— Спасибо, у меня уже есть.

— Очень смешно, — сказал он, не улыбнувшись. — И тебе нравится тут жить?

— Ну, настолько, насколько мне вообще нравится жить.

— Это что, нью-йоркское умничанье?

— Самое что ни на есть.

— Ну так что, возьмешься за мою книгу?

— Боюсь, мы не сработаемся.

Санни нахмурился.

— А какое это имеет значение?

— Нам же придется много времени проводить вместе. Мы будем как...

Он помрачнел.

— Как партнеры?

— Да.

— Послушай, приятель. Я по поводу людей решения принимаю мгновенно. Всегда так делал. Иногда сам потом жалел, но стар я уже меняться. Ты мне нравишься. По-моему, ты талантливый. Думаю, мы сработаемся. Понимаешь? Так что кидай свое барахло в чемодан. Самолет вылетает через...

В висках у меня стучало.

— Мне надо все обдумать. Если надумаю, свяжусь с вами через неделю. Мне тут надо разобраться кое с какими делами, найти передержку для Лулу.

— Бери собаку с собой. У меня полно места.

— Правда?

— Ну да.

— По-моему, вы ей не нравитесь. — Лулу все еще сидела под столом.

— Чепуха. Дети и собаки меня обожают. Знаешь почему? Потому что я чистая душа, как и они. Только критики меня ненавидят, да и хрен с ними. Обязательства у меня перед зрителями. Моими зрителями. Ты играешь, Хоги?

— Играю.

— Давай так. Если Лулу меня полюбит, ты возьмешься за мою книгу. Идет?

— Лулу меня никогда еще не подводила. Если она согласна, то я готов. Идет.

Санни ухмыльнулся.

— Вот это по-нашему. — Он щелкнул пальцами. — Дай мне что-нибудь вкусненькое.

Я достал из шкафчика собачье печенье. Санни сунул его в рот так, что половина вывалилась наружу. Потом он подошел к столу

и опустился на четвереньки перед Лулу. Она снова залаяла.

— Ну-ка поцелуй Санни, Лулу, — засюсюкал он. — Чмоки-чмоки! — И пополз к ней с торчащим изо рта собачьим печеньем, точно как в первом цветном фильме Найта и Дэя про цирк, «Большая арена», где он пытался таким образом укротить льва.

Я глазам своим не верил. Санни Дэй, Единственный Санни Дэй ползал по ковру в моей гостиной и пытался накормить мою собаку изо рта в рот. И что самое удивительное, у него получалось. Лулу перестала лаять и завиляла хвостом. Когда Санни подобрался к ней вплотную, она потянула за печенье, но Санни не отдавал, поддразнивая. Она игриво гавкнула на него. Он гавкнул в ответ.

— Знаешь, — проговорил он уголком рта, — изо рта у нее пахнет как-то...

— У нее своеобразные предпочтения в еде.

Лулу еще раз куснула печенье. На этот раз Санни позволил ей его забрать. Она удовлетворенно растянулась на полу, жуя печенье. Санни ее погладил. Лулу застучала хвостом об пол.

Санни встал, отряхнул пыль с брюк и победно ухмыльнулся.